

Кони Анатолий Федорович

На жизненном пути

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
На жизненном пути / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 484 с.

ISBN 978-5-519-90116-1

ISBN 978-5-519-90116-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА

Въ настоящій, четвертый, томъ «На жизненномъ пути», вошло нѣсколько публичныхъ чтеній и рѣчей, напечатанныхъ въ 1905 г. въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ», давно уже вышедшихъ изъ продажи, и рядъ таковыхъ же, произнесенныхъ въ разное время съ тѣхъ поръ. Въ дополненіе включенъ рядъ характерныхъ писемъ изъ архива стараго журналиста.

Книга посвящена памяти Алексѣя Александровича Шахматова, какъ дань глубокаго уваженія къ его научнымъ заслугамъ и личнымъ свойствамъ. Высокая оцѣнка первыхъ изъ нихъ — въ области славянской филологіи, русскаго языка, исторіи литературы и изученія древнѣйшихъ судебъ русскаго племени — давно и всесторонне съ единоголоснымъ выводомъ сдѣлана учеными специалистами. Обращаясь къ личнымъ свойствамъ этого прекраснаго, столь рано похищеннаго смертью чловѣка, нельзя не отмѣтить прежде всего его плодотворной трудоспособности. Еще гимназистомъ выступаетъ онъ съ двумя серьезными сочиненіями въ нѣмецкомъ «Архивѣ славянской филологіи»; студентомъ Московскаго университета онъ пишетъ рядъ изслѣдованій по русскому языку; выдержавъ магистерскій экзаменъ, становится приватъ-доцентомъ и представляетъ, въ качествѣ магистерской диссертациі, такое сочиненіе о фонетикѣ русскаго языка, что факультетъ прямо возводитъ его въ степень доктора; тридцати лѣтъ онъ академикъ Академіи Наукъ! И эта неустанная его ученая дѣятельность въ связи съ профессурой въ университетъ продолжается непрерывно вплоть до самой его кончины. Онъ не замыкается, однако, въ свои кабинетные труды, чуждый общественнымъ вопросамъ и неотзывчивый на нихъ, — наоборотъ, всѣми силами своего ума

и теплаго сердца онъ откликается на запросы жизни, на нужды и горести народа. Когда въ началъ девяностыхъ годовъ въ его родной Саратовской губерніи свирѣпствуетъ голодъ, онъ занимаетъ должность земскаго начальника и пользуется ея правами для энергической и вдумчивой борьбы съ общественнымъ бѣдствіемъ, а затѣмъ снова возвращается къ своимъ любимымъ занятіямъ. Избранный въ 1906 г., къ великой радости своихъ свѣдущихъ почитателей, въ предсѣдатели Отдѣленія Русскаго языка и словесности и возведенный въ 1910 г. философскимъ факультетомъ Берлинскаго университета въ званіе доктора honoris causa, онъ весь отдается служенію Академіи и вновь образованному въ ней Разряду изящной словесности, внося въ дѣятельность послѣдняго неустанную заботливость о живомъ и многообразномъ выполненіи своихъ задачъ. Твердый въ самостоятельно выработанныхъ убѣжденіяхъ, неуклонно послѣдовательный въ своихъ взглядахъ, горячій патріотъ, чуждый узкой національной исключительности, чуткій къ чужимъ переживаниямъ, пріятливый и мягкій въ обращеніи, скромный до послѣдней степени, — онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, за встрѣчу съ которымъ на жизненномъ пути надо благодарить судьбу. Недаромъ умѣлъ онъ оставлять неизгладимую память о себѣ въ своихъ молодыхъ ученикахъ и послѣдователей, участливо поощряя и сочувственно поддерживая ихъ труды. Мнѣ пришлось, въ качествѣ почетнаго академика, провести въ душевномъ общеніи съ нимъ двадцать лѣтъ, и свѣтлое воспоминаніе о немъ омрачается для меня лишь скорбью о томъ, что я не увижу больше его умнаго взора, въ которомъ свѣтились нѣжная любвеобильная душа и вооруженная глубокимъ знаніемъ мудрость. Его слабый организмъ не выдержалъ тяжелыхъ физическихъ трудовъ и непосильныхъ лишеній, а душа его изныла въ тоску и тревогу за семью, за любимую Академію, за все ему близкое и дорогое. И въ августъ 1920 г. онъ ушелъ изъ жизни, въ полномъ разгарѣ умственныхъ силъ, на порогу дальнѣйшей и, быть можетъ, еще болѣе богатой результатами научной работы.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ И РѢЧИ

I.

Нравственный обликъ Пушкина.

(Торжественное засѣданіе Академіи Наукъ 26 мая 1899 года)

I.

Поэтъ съ многогранной душой — Пушкинъ былъ не только гениальнымъ художникомъ, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою, — съ различныхъ точекъ зрѣнія, — Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической, имѣютъ одно общее свойство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ — несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный коваць роднаго языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ — представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширения русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя — на великаго Петра.

Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи — выразительницы свойствъ и потребностей общества и провозвѣстницы его упованій. Какую бы сторону ея ни изслѣдовать; приходится почти всегда подняться, вверхъ по теченію, къ Пушкину. Ему ничего не было чуждо; его трезвый, проникновенный и свободный отъ исключительности умъ, вооруженный гениальною силою выраженія, отзывался

на всё проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всё условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: «Это гений — все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій...». Поэтому оставляя въ сторонѣ поучительные вопросы о творчествѣ Пушкина, о его безсмертныхъ заслугахъ для русскаго языка и словесности, о его художественномъ «credo», возможно остановиться и на его правовыхъ взглядахъ и, пользуясь его сочиненіями, письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., попробовать взглянуть въ его отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общества.

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но въ жизни правда проявляется, прежде всего, въ искренности въ отношеніяхъ къ людямъ, въ справедливости при дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніяхъ цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ, — эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей, — и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человѣка. Вотъ почему — *justitia fundamentum regnorum!* Но право и нравственность не суть чуждые или противоположныя одно другому понятія. Въ сущности, источникъ у нихъ общій, и дѣйствительная ихъ разность должна состоять, главнымъ образомъ, въ принудительной обязательности права въ сравненіи съ свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ однако свой писанный кодексъ, гдѣ указано, что *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого

кодекса быть не может — и отыскивая, что надо сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человѣку приходится вопрошать свою совѣсть. Внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ у многихъ людей изъ началъ, невидимо, но неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ имъ слышится выраженіе воли высшаго существа, сознаніе связи съ которымъ и отвѣтственности предъ которымъ такъ поднимаетъ и укрѣпляетъ душу многихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственные начала, черпая свои силы въ религіи, проникаютъ съ разныхъ сторонъ и въ область права. Надпись на зданіи старинной ратуши въ Лугано: «Quod sunt leges sine moribus, quod sunt mores sine fide» — имѣетъ свое глубокое значеніе. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣгать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры. Такимъ образомъ, самъ собою создается *нравственный обликъ Пушкина*. Изученію его слѣдуетъ посвящать глубочайшее вниманіе и тщательную разработку подробностей. Вѣроятно, такому труду и будутъ отданы чьи-либо талантливныя силы и ничѣмъ не стѣсненное время. Мы же ограничимся здѣсь, по поводу столѣтняго юбилея великаго поэта, лишь самыми краткими и бѣглыми очертаніями этого образа.

Недальновидные и поспѣшные на заключенія читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ въ «часы забавъ иль празднои скуки», — въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья», — создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры.

Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодости поэта, чей «предательскій привѣтъ» преслѣдовалъ его и за гробомъ, — въ забвеніи его словъ, что «судить взрослого человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное». Одинъ изъ нихъ, чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, непріятно поражало

отсутствіе у него не только «ровной, систематической бесѣды», но даже и «порядочнаго фрака» — провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ «ни *внѣшней*, ни *внутренней* религіи и смѣялся надъ всѣми отношеніями». Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ — нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина — и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы.

Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII в. Оттолоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ лживо и безъ всякой критики писалось въ пассивѣ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на *грѣшный* свой языкъ, и празднословный, и лукавый» — и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки. Какъ всякая сильная натура — онъ не могъ не пройти періода *скитанія мыслей*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерцаніи.

Написанное Пушкинымъ 18-ти лѣтъ отъ роду «Безвѣріе» содержитъ въ себѣ явныя указанія мучительныхъ сомнѣній, пережитыхъ имъ въ это время. Всѣ симпатіи его уже на сторонѣ вѣры и онъ желалъ бы, «забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ, съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ». Но самъ, еще не вѣруя вполне и колеблясь, онъ уже понимаетъ, что не слово осужденія, а слово состраданія надо обращать къ «слѣпому мудрецу», въ которомъ «умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ». Притомъ, не надо забывать, что человѣкъ съ прозаической натурой легче и скорѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ имѣющій задатки геніальности. Истинное религіозное чувство есть прежде всего результатъ личныхъ житейскихъ испытаній. Только выдержавъ и переживъ ихъ, оно можетъ считаться прочнымъ.

Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. «Съ измученной души его исчезли заблужденія» подобно тому, «какъ краски чуждыя съ лѣтами спадаютъ ветхой чешуей». Съ этого времени мы видимъ у него уже вполне сложившійся взглядъ, которому онъ остается вѣренъ до конца. Въ душѣ его блеститъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ высшій разумъ, управляющій вселенною, но и, — употребляя выраженіе Лермонтова, — «вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную», т. е. въ возвышенныя стороны человѣческаго духа и въ его безсмертіе. Тотъ «чистый атеизмъ», указаніе на уроки котораго въ перехваченномъ письмѣ сопровождалось для него тяжелою и рѣшительною карою, — никогда не овладѣвалъ имъ. Онъ претилъ его уму и сердцу. «Ты — *сердцу* непонятный мракъ, пріютъ отчаянья слѣпого, *ничтожество* — пустой призракъ — не жажду твоего покровя» — восклицаетъ онъ, прибавляя: «ты чуждо мысли человѣка, тебя страшится гордый умъ». Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему — и много думалъ о нихъ. «Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о немъ», объяснялъ онъ А. И. Тургеневу, сходясь въ этомъ съ Кантомъ, котораго, конечно, не читалъ, когда въ садахъ лица «читалъ охотно Апулея». «Если человѣкъ нападаетъ на идею о Богѣ и находитъ его въ душѣ своей — значитъ, онъ существуетъ, — развивалъ Пушкинъ свой взглядъ въ бесѣдахъ у Смирновой, — нельзя найти то, чего нѣтъ, и самая сильная фантазія отправляется все-таки отъ существующихъ формъ». Поэтому онъ подсмѣивался надъ упорными усиліями обширной аргументаціи отрицателей существованія Бога. Къ чему такія старанія, если его дѣйствительно нѣтъ? — спрашивалъ онъ. Къ Библіи и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендуя сыну своего друга кн. Вяземскаго *пристально и постоянно* читать книги Священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ «ключемъ живой воды». Замѣчая, что Евангеліе настолько истол-

ковано, объяснено и проповѣдано повсюду, что не заключаетъ въ себѣ уже ничего для насъ неизвѣстнаго, — онъ указывалъ на его вѣчно новую прелесть для всѣхъ пресыщенныхъ міромъ или погруженныхъ въ уныніе. Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о Библии и въ особенности о Евангеліи, — онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, говорилъ: «мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію — и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которыя помогутъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила — любовь!» Такимъ образомъ онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльныхъ стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ, какъ, напр., переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина («Отцы-пустынники и жены непорочны»), не только въ изображеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концомъ, но и въ формахъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ, онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ творческимъ даромъ и «всеобъемлющею душою». Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ божіихъ — Петрѣ и Георгіи. Этотъ Петръ былъ тотъ «вѣчный работникъ на тронѣ», котораго онъ воспѣлъ съ такой силой, понялъ съ такой любовью, — этотъ Георгій былъ «властитель думъ» лордъ Байронъ. Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. «Въ этой священной стихіи, — говорилъ онъ, — исчезъ и обновился міръ, — древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ». Исторія внѣшняго выраженія